

ОТЕЦ И СЫН ГУЛЯЕВЫ

1. ОТЕЦ

Имя Степана Ивановича Гуляева широко известно не только на Алтае. Казалось бы, в его биографии не должно остаться «белых пятен». Тем не менее, они есть. Так, годом рождения его считается 1805, это сказано во всех публикациях о нем. Но сын его Николай Степанович, архивариус Алтайского округа, называет 1803. А если заглянуть в служебные формуляры С. И. Гуляева и вычесть из года их составления возраст (в них указывался только возраст), то получим такие даты рождения: 1806 (дважды), 1807 и даже 1808! А ведь формуляры заполнялись, должны были заполняться с его слов!..

Как ни странно, Степан Иванович сам не знал, когда он родился. Живя в Петербурге, он обратился с этим вопросом к оставшимся на Алтае родственникам. И вот что ответил ему 24 января 1834 г. младший брат Василий Иванович:

«Извещаю Вас, любезный братец... Вы родились в 1806 году июля 28 дня, восприемниками были дядюшка Иван Степанович с женой покойного Кабинетного секретаря Алексея Басина Степанидой Кузьмовной, а 2-м восприемником – покойный брат Федор Ефтифьевич с женой унтер-шихтмейстера Андрея Чургутанова Настасьей Ивановой. Крещение произведено священником Змеиногорской Преображенской церкви Никитой Одинцовым³...»

Сведения эти, столь подробные, Василий Иванович взял, очевидно, из церковной книги или от матери (отец к тому времени умер). Словом, в достоверности их сомневаться не приходится.

³ Тишкина Т. В. *Некоторые сведения о С. И. Гуляеве и его родственниках // Гуляевские чтения. Барнаул, 1998. С. 116.*

Итак, благодаря Татьяне Владимировне Тишкиной, одним «белым пятном» в биографии С. И. Гуляева стало меньше.

Но осталось еще одно. Во всех публикациях о С. И. Гуляеве место его рождения названо так: «село Алейское Колывано-Воскресенского (или Алтайского) горного округа». Но сохранилось ли это село, а если да, то каков его современный адрес? Об этом нигде – ни слова.

Рискну высказать предположение, что это – село Староалейское Третьяковского района, основанное в 1766 г. К сожалению, это всего лишь предположение. Подтвердить или опровергнуть его можно было бы «ревизской сказкой» по названному селу, но документов последних двух ревизий в краевом госархиве нет.

А в остальном жизнь и деятельность нашего замечательного земляка достаточно изучены, не раз описаны, и мне остается лишь пересказать самое существенное.

Отец его имел горный чин унтер-шихтмейстера (соответствует сержанту) служил на Локтевском сереброплавильном заводе, мать была дочерью казака – потомка сибирских землепроходцев, пожалованного через 25 лет беспорочной службы чином прапорщика. Почти все заботы по дому и хозяйству лежали на матери. Это была веселая, добрая, работающая и к тому же грамотная женщина (редкий случай по тем временам). Она научила сына читать и писать, всячески поощряла его неутолимую любознательность. Степана в семье прозвали «Почемучкиным». Им он и остался до седых волос.

Позже Степан Иванович так вспоминал о своей матери:

«Это была энергичная красивая женщина, каких немного встречалось мне в жизни... Она имела отличный голос и пела много народных и обрядовых песен...»

Когда он увлекся этнографией и фольклористикой, мать стала активной его помощницей.

В 1827 г., по окончании Барнаульского горного училища, Степан Гуляев, как лучший из лучших, был направлен в Петербург писцом Горного отделения Кабинета.

Достаточно вспомнить гоголевского Акакия Акакиевича, чтобы представить, насколько несправным было положение мелкого канцеляриста, каким нудным и отупляющим был его труд.

Но Гуляев не стал Акакием Акакиевичем. Он посещает вечерние классы Академии художеств (у него давняя склонность к рисованию),

музеи, выставки, заводит знакомства с интересными людьми. Одним из них был Якушкин Павел Иванович, писатель, фольклорист, этнограф. Под видом коробейника ходил он по деревням, записывал песни, пословицы, поговорки. Был в близких отношениях с Н. А. Некрасовым. Тот изобразил его под именем Павлуши Веретенникова в поэме «Кому на Руси жить хорошо»:

Носил рубаху красную,
Поддевочку суконную,
Смазные сапоги.
Пел складно песни русские
И слушать их любил.
...Крестьяне открываются
Миляге по душе:
Похвалит Павел песенку –
Пять раз споют – записывай!
Понравится пословица –
Пословицу пиши!

Якушкин был не первый и не последний. В. Г. Белинский недаром писал в те дни: «Какой благодарности заслуживают те скромные и бескорыстные труженики, которые с неослабным постоянством, с величайшими трудами и пожертвованиями собирают драгоценности народной поэзии и спасают их от гибели забвения».

Одним из таких скромных тружеников был и Степан Гуляев. Ходить вместе с Якушкиным по деревням он не мог, поэтому одолевает родных и близких просьбами присылать песни, былины, подробнее описывать старинные свадебные и другие обряды. Чаше, чем к другим, обращается к «любезной маменьке», и та охотно помогает ему.

Его увлечению фольклором немало способствовало знакомство с крупным ученым-лингвистом, профессором Петербургского университета И. И. Срезневским, от которого он получал, наверное, особенно в первое время, немалую помощь и советы при написании своих статей по фольклористике. Гуляев был постоянным посетителем «суббот» Срезневского, где предположительно встречался с Н. А. Добролюбовым, в то время студентом Главного педагогического института.

В 1839 г. С. И. Гуляев публикует в журнале «Отечественные записки» свой первый очерк «О сибирских круговых песнях», а через несколько лет в «Библиотеке для чтения» – «Этнографические очерки Южной Сибири». В два этих очерка вошло 150 народных песен. Известно, что их внимательно изучал драматург А. Н. Островский. Он пометил в них 71 слово.

Но фольклором не ограничиваются интересы С. И. Гуляева. В 1845 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» появляется его статья «Алтайские каменщики» – о людях, бежавших от притеснений властей и церкви в «Камень» (в горы) на поиски обетованной земли – Беловодья.

Вскоре он представляет в Вольно-экономическое общество сразу три статьи: о сибирском рогозе, алтайском ревене и сибирской кошенили (вид насекомых), за что избирается его корреспондентом. Это было первое Русское научное общество, оно содействовало развитию сельского хозяйства, вело статистические исследования и т. д. Его членами были: Д. И. Менделеев, В. П. Докучаев, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, Л. Н. Толстой и др.

В 1852–1853 гг. в «Вестнике Императорского Русского географического общества» и других изданиях С. И. Гуляев публикует статьи о Кулундинской степи, глинистом сланце, графите и др., после чего избирается членом-сотрудником ИРГО.

Занимается он и прошлым Алтая. В 1858 г. в «Вестнике промышленности» появляется его статья «О механике Ползунове».

Это была первая публикация о гениальном изобретателе, к тому времени основательно забытом даже на Алтае. Об истории появления статьи так рассказал, со слов отца, его сын Николай Степанович Гуляев: «Как-то у профессора Срезневского собрались гости, и разговор зашел о паровых машинах. Говорили о недостатке механизмов в России, и отец поразил компанию словами: «Господа! Первая паровая машина давно применена к действию у нас в Сибири нашим механиком-самоучкой Иваном Ивановичем Ползуновым».

Компания удивилась, не хотели верить, никто не слышал про Ползунова. Отец обещал им напечатать историю устройства Ползуновым машины».

Это же подтвердил и сам С. И. Гуляев в письме редактору журнала «Вестник промышленности»: «Поводом к этому (к написанию статьи – *В. Г.*) было выраженное однажды сомнение в постройке

у нас до Ватта (Уатта – В. Г.) еще паровой машины неизвестным в ученном мире механиком».

Таким образом, находясь более 30 лет вдали от Алтая, Гуляев не только не порвал связи с ним, но стал видным знатоком его устного народного творчества, природных богатств, истории.

Счастливо сложилась и его семейная жизнь. Он был приглашен давать уроки 13-летней дочери видного чиновника Пояркова Филиппа Николаевича. Учитель и ученица полюбили друг друга, и когда ей исполнилось 16 лет, они поженились. Всего у них родилось десять детей, в живых осталось шестеро: три сына и три дочери.

Понемногу продвигался С. И. Гуляев и по служебной лестнице: за 30 лет дослужился от старшего писаря до коллежского асессора (соответствует капитану).

В 1859 г. ему предложили место советника отделения частных золотых промыслов в Алтайском горном округе. Он охотно согласился. Представилась возможность еще лучше послужить родному краю. Ну и, конечно, не последнюю роль для него, отца шестерых детей, сыграли и материальные соображения: жизнь в Барнауле была намного дешевле, чем в столице.

Гуляеву было уже 43 года, но энергия в нем, как говорят, была ключом. По приезду в Барнаул он засыпает Вольно-экономическое общество, частных лиц разных городов просьбами о высылке семян табака, помидоров, китайского клевера, саженцев яблонь, бука, ясеня и пр. В свою очередь сам рассылает по множеству адресов семена облепихи, дикого чеснока, лука и т. д.

В 1864 г. Вольно-экономическое общество за успехи в разведении американского и турецкого табака награждает его Большой серебряной медалью. Гуляева не останавливает, что у него нет еще своего дома, своей усадьбы, и он вынужден для своих многочисленных опытов арендовать участок земли.

Первым на Алтае он осуществляет опытный посев сахарной свеклы и широко рекламирует ее. Откликнулся лишь германский подданный Август Брокмиллер. Получив отвод в 100 десятин близ села Малышево Барнаульского округа (ныне это село – в Новосибирской области), он начал выращивать сахарную свеклу, в 1862 г. построил первый в Сибири сахарный завод, на котором за 1862–1865 гг. было произведено 2400 пудов сахара. Но через три года завод был закрыт за незаконное производство спирта.

Призывы к развитию свекловодства и сахароварения – лишь один эпизод в кипучей деятельности Гуляева. Неугомонный старик переполнен замыслами и проектами. То он ратует за развитие тонкорунного овцеводства на Алтае, а заодно и племенного свиноводства, то призывает к развешиванию рыболовства на Телецком озере, то к посевам карлика (дикой гречихи), то шьет дешевую обувь из промасленного холста и нахваливает ее друзьям и знакомым. Многие его проекты умирают в зародыше, но он не падает духом. Отвергли холщовую обувь – учит кустарей, как делать плетеную мебель или соломенные шляпы. Увлечшись шляпами, он изобрел способ хорошо отбеливать солому, делать ее гибкой и эластичной. Шляпы, сделанные по его методу местными кустарями, хорошо расходились не только на Алтае, но и по городам Сибири.

Осенью 1866 г. крестьянин из Ново-Белокурихи Иван Казанцев рассказал Гуляеву, что в их селе бьют теплые ключи, их вода помогает от некоторых болезней, ее охотно пьет скот. Гуляев задался целью открыть лечебницу на Белокурихинских минеральных источниках. Получив результаты химического анализа, написал в «Вестник ИРГО», газету «Томские губернские ведомости», ответа не дождался. Обратился в Министерство здравоохранения с проектом организации в Белокурихе всероссийской здравницы, проект был отклонен «за неимением средств». Тогда на собственные средства построил скромную лечебницу. Больные пользовались ею бесплатно.

Широко известна изобретенная С. И. Гуляевым черная краска для овчин, сделавшая окрашенные ею полушубки («барнаулки») знаменитыми на всю Россию. А началось так. Однажды к нему обратился бедный барнаульский шубник Семен Лапин. Его шубы не находили спроса из-за плохого качества овчин, а хорошую краску он, сколько ни бился, извел последние гроши, но сделать не сумел. Мог ли Гуляев отказать? И вот вечер за вечером он перемешивает и кипятит разные растворы, отвары трав, руки его чернее сажи, домашние ходят, зажав носы, но, наконец, краска получена! Овчина, выкрашенная ею, становится черной и мягкой, как бархат. Через несколько дней Лапин приходит, падает на колени и от чистого сердца протягивает три рубля – все, что у него есть!..

Лапинскую трешку Гуляев до конца жизни хранил как реликвию, показывая друзьям. Это был единственный доход, который он

получил от своего изобретения, сделавшего Лапина богачом. Гуляев лишь взял с него слово не продавать полушубки по высокой цене. Существует предание, что Лапин слова не сдержал, и когда Гуляев упрекнул его в стяжательстве, тот якобы ответил, что это обещание касается лишь Гуляева, а не всех покупателей. Степану же Ивановичу он готов даже подарить самую лучшую шубу. Сколько в этом слухе правды – Бог весть...

Многие барнаульские обыватели считали Гуляева чудачком за несвойственные крупному чиновнику – статскому советнику, занятия.

Чудачком он прослыл и по другой причине. Должность Гуляева была воистину «золотой»: от него во многом зависело, дать или не дать ход заявке на разработку золотоносной россыпи, и заявитель не скупился на «благодарность». Но Гуляев с негодованием отвергал взятку. Он облагал служителей золотых промыслов другой «данью»: просил присылать ему записи народных песен, пословицы, поговорки, а также «камушки» (образцы минералов) и кости редких животных.

Когда «золотой советник» переезжал на очередную квартиру, барнаульцы диву давались: у других господ возы ломились от добра, а у этого – ящики с камнями и костями, книжки да бумаги...

В 1862 г. С. И. Гуляев на свои скромные средства открыл небольшую платную библиотеку, но вскоре вынужден был продать ее: уважаемые барнаульцы тратиться на чтение книжек не захотели, а содержать ее бесплатной вечно бедствующему, обремененному большой семьей Гуляеву было не под силу.

Он основал типографию (заведовал ею старший сын Александр), время от времени устраивал у себя литературные чтения для молодежи; боролся за включение в программу духовного училища большего числа общеобразовательных предметов, выступал за открытие гимназии в Барнауле, университета в Сибири; состоял кандидатом в члены совета Общества попечения о начальном образовании в Барнауле.

А еще он был, как известно, членом одиннадцати научных российских обществ, поддерживал с ними связь, участвовал в их работе. Остается лишь удивляться: как его на все хватало?..

Своим домом С. И. Гуляев обзавелся лишь в 1865 г., через шесть лет после переезда в Барнаул (купил в рассрочку). Здесь бывали

Г. Н. Потанин, французский археолог Г. Менье, немецкий зоолог и путешественник А. Брем, автор шеститомного труда «Жизнь животных». Гуляев подарил ему три черепа носорога, найденные на берегах Оби и Чумыша.

Надо сказать, что, как коллекционер, С. И. Гуляев не был скопидомом. Многие ценные книги и рукописи он передал в Императорскую публичную библиотеку, в Императорское Русское историческое общество; образчики серебро-свинцовых и медных руд, сибирской монеты он выслал даже в Прагу. Руководствовался при этом отнюдь не материальной выгодой, а лишь желанием, чтобы от его находок была польза для науки.

В дом С. И. Гуляева приходили письма от П. П. Семенова-Тян-Шанского, В. В. Радлова, Н. М. Ядринцева, И. И. Срезневского и др.

Ну а для местной интеллигенции его дом был своего рода клубом. Сюда собирались посмотреть богатые минералогические и палеонтологические коллекции, старинные книги, а больше всего – послушать хозяина – «ходячую энциклопедию» Алтая, чудаковатого умницу – бессребренника, влюбленного в свои камушки, древние кости, папки с записями народных песен и былин...

Высокий, атлетически сложенный, с неизменной трубкой во рту под пышными седыми усами, до глубокой старости не разучившийся удивляться и увлекаться, он был одним из тех милых, добрых, мудрых стариков, которых нельзя не любить и уважать.

Вероятно, не все родные и близкие С. И. Гуляева одобряли его «чужачества».

«Меня упрекают, – писал он незадолго до смерти своему родственнику и первому биографу И. Я. Словцову, – что я сижу за камушками... Они хотят отнять у меня то удовольствие, которое составляет потребность моей натуры, они желали бы, чтобы я, попав в чиновничью колею, погрузился бы в ней, как улитка в раковину... Забавно бы вам (было бы) слышать, наверно, от кого-нибудь укоризны за то, что вы занимаетесь, кроме службы, разными науками. Да без этого жизнь человека мыслящего была бы тягостью!...»

И в преклонные годы рабочий день С. И. Гуляева начинался в 6 часов, а заканчивался в полночь и позже. Годы, казалось, не старили этого здоровяка, только ноги в последнее время стали подводить, пришлось обзавестись палочкой. Утром он копался в огороде или в саду, потом шагал на службу. Служил до последнего дня, ибо

пенсии не хватало. Ну а вечером – семья, друзья, заезжие гости, писание статей и писем. Только за барнаульский период их (писем) зарегистрировано 2870!

Похоже, человек, не одно десятилетие управлявший «золотым столом» и до последнего дня служивший, уже находясь на пенсии, не имел и ста рублей на «черный день». Вот что писал он И. Я. Словцову незадолго до смерти:

«...Не знаю, что мне делать? Было три билета внутреннего займа, и те заложены. Любезная супруга настаивает, чтобы продал дом и купил другой, маленький. Предлагать подобные советы легко, но как исполнять? Да и дом-то стоит 800 рублей, не больше...»

Забежим вперед.

После смерти Степана Ивановича, вдова его Александра Филипповна, обращаясь в управление округа за пособием, писала, что муж ей «ничего не оставил, кроме скромной пенсии, полуразрушенного дома, долгов и честного имени».

Наверное, не случайно и первый биограф С. И. Гуляева И. Я. Словцов эпиграфом для своей работы «Степан Иванович Гуляев. Библиографический очерк», изданной в Омске в 1891 г., избрал автоэпитафию известного русского поэта XVIII в. И. И. Хемницера: «Жил честно, целый век трудился и умер наг, как наг родился».

14 мая 1888 г. С. И. Гуляев, уже безнадежно больной (у него был отек легких), получил письмо от вице-председателя Императорского Русского географического общества П. П. Семенова-Тян-Шанского с просьбой принять участие в работе Этнографического отдела Общества.

– Вот, – слабым голосом похвалился Степан Иванович родным. – Приятное письмо получил... Видно, не забыли меня... Но поздно...

К вечеру его не стало...

На могиле его, стараниями родственников, был установлен оригинальный памятник: каменный земной шар на массивной четырехгранной тумбе, к шару как бы прислонена каменная же раскрытая книга. На памятнике – надпись: «Тот достаточно потрудился, кто честно искал истину»; на книге – выдержка из 127-го псалма: «Блажен всякий боящийся Господа, ходящий путями Его».

Могилы С. И. Гуляева, как и все Нагорное кладбище, была варварски уничтожена в середине 20-х гг. теперь уже прошлого века,

а памятник вместе с другими надгробиями людей, составляющих славу и гордость Алтая, раздроблен и крошка использована для мощения улиц...

Сохранилась лишь фотография памятника.

Именем С. И. Гуляева была названа небольшая окраинная улочка (быв. Иванов Лог) близ Знаменской церкви (ныне – женский монастырь). Но и она исчезла после застройки того района.

Но Степан Иванович Гуляев не забыт и не мог быть забыт, для того он «достаточно потрудился» на благо родного края. Всех его занятий и увлечений глазом не охватишь, но главная его заслуга, по общему признанию – русская фольклористика Сибири. При жизни он не смог опубликовать в полном объеме собранный им материал. Лишь небольшие подборки фольклорных текстов появились в дореволюционных изданиях и периодике.

Только в 1952 г. в Новосибирске были изданы «Былины и песни Южной Сибири. Собрание С. И. Гуляева». А в 1988 г. в Барнауле вышло второе, дополненное издание под названием «Былины и песни Алтая. Из собрания С. И. Гуляева» (составитель и автор предисловия – новосибирский историк Юрий Львович Троицкий).

Но и это издание – далеко не полное. Не собрано до 150 его статей и заметок, в основном краеведческих. Немалый научный интерес представляет и его богатое эпистолярное наследие. Это подтверждается небольшой подборкой писем, включенных Ю. Л. Троицким в барнаульское издание. Недостаточно еще, как я полагаю, изучен и богатейший архивный фонд С. И. и Н. С. Гуляевых.

Историк, этнограф, фольклорист, изобретатель, подлинный подвижник по своей натуре Степан Иванович Гуляев – одна из самых ярких фигур среди алтайских краеведов.

2. СЫН

Николай Степанович Гуляев родился в 1851 г. в Санкт-Петербурге, где служил в то время отец. В восьмилетнем возрасте с родителями переехал в Барнаул. Здесь окончил окружное училище, затем Томскую гимназию (1871) и поступил на юридический факультет Петербургского университета, откуда в 1873 г. был отчислен «как пробывший два года на первом курсе и переводного экзамена не выдержавший». Поступил в Казанский университет,

но и оттуда в 1875 г. был исключен с 1-го курса «за невзнос платы за слушание лекций».

В некоторых публикациях причиной увольнения Н. С. Гуляева из обоих университетов называется якобы его участие в революционных кружках, но документами это не подтверждается.

Не сумев получить высшего образования, Николай Гуляев около двух лет провел за границей; в Германии слушал лекции по философии, в Швейцарии – по горному делу.

Вернувшись в Россию, служил агентом в пароходстве «Курбатов и Игнатов», десятником на строительстве железной дороги (в Тюмени), затем на той же должности – на строительстве Обь-Енисейского канала.

В 1881 г. по просьбе отца вернулся в Барнаул, стал заведовать принадлежавшей ему типографией.

Под влиянием отца, пользуясь его богатой библиотекой, увлекся изучением истории Алтая и Сибири, приобщился к археологическим раскопкам.

После смерти отца (1888) стал владельцем всего им собранного. Как и отец, охотно помогал другим исследователям имеющимися у него материалами. Однажды это привело к конфликту.

В 1890 г. в Томске вышел историко-статистический сборник «Алтай». Он донныне пользуется завидным спросом у исследователей и вполне достоин того. Составителем и редактором сборника был проживавший в Барнауле ссыльный народник Петр Александрович Голубев (1855–1912), выпускник Казанского университета, директор гимназии из Оренбургской губернии. Он же является и автором аж 19-ти статей по самым разным вопросам истории Алтая. Назову лишь некоторые: «Ликвидация горного дела на Алтае», «Народное образование», «Землевладение на Алтае», «Очерки сибирской жизни и положения переселенцев на Алтае». Все статьи – отнюдь не дилетантские.

Когда я познакомился с биографией П. А. Голубева, то невольно удивился: когда он успел набраться столь глубоких знаний об Алтае?

Посудите сами. В июле 1887 г. П. А. Голубев был сослан на три года под гласный надзор полиции в село Алтайское (ныне рабочий поселок, райцентр). 12 сентября 1889 г. переехал на жительство в Барнаул. А уже в 1890 г. издал сборник «Алтай», успел написать для

него 19 полноценных статей да еще составить и отредактировать сборник объемом в 436 страниц! Как ни считайте, полгода не наберется на все про все. Не мог Голубев, будь он хоть семи пядей во лбу, к тому же впервые оказавшись на Алтае, проделать такую работу за столь короткий срок! Кто-то хорошо ему помог.

Теперь я знаю, кто: Николай Степанович Гуляев.

Обращаясь к нему за материалами, П. А. Голубев, по всей вероятности, пообещал поместить в сборнике большой биографический очерк о С. И. Гуляеве с его портретом и сборник посвятить ему же. Но в ходе работы он вынужден был «по недостатку места поместить лишь краткий очерк его деятельности».

В ответ Н. С. Гуляев отобрал у него бумаги отца. Однако П. А. Голубев успел, очевидно, сделать из них подробные выписки, а потом использовать их при написании своих статей. Ничем другим объяснить случившееся не могу.

Была еще одна причина для размолвки у этих уважаемых людей. Послушаем П. А. Голубева: «...Произошло это от того, что я не мог согласиться печатать настоящий сборник в его типографии, где для этого было недостаточно ни шрифта, ни станков, ни рабочих. Личная обида за свою типографию заслонила у Гуляева даже память о дорогом покойнике. Отбирая у меня бумаги, он воспрещал не только пользоваться ими, на что имел право, но не желал даже чтобы настоящий сборник был посвящен памяти его отца и чтобы в книге были портрет и биография покойного. Уступая его законным требованиям относительно неизданных материалов С. И. Гуляева, мы однако не можем исполнить остальные его претензии, о которых со временем, вероятно, пожалеет и сам не в меру обиженный сын покойного...»

Биографический очерк о С. И. Гуляеве, пусть краткий, П. А. Голубев все же поместил в сборнике, портрет – тоже, но от посвящения сборника С. И. Гуляеву вынужден был отказаться.

2

27 октября 1891 г. Н. С. Гуляев, как уже говорилось, был избран членом-учредителем созданного по инициативе С. П. Швецова Общества любителей исследования Алтая и на том же собрании – кандидатом в члены Совета Общества. Это, без сомнения, означало признание его заслуг как знатока истории Алтая и Сибири.

А ведь он к тому времени еще не был архивариусом Главного управления округа, а заведовал, вместо умершего брата Александра, типографией, принадлежавшей отцу.

18 апреля 1892 г. он впервые выступил на собрании членов Общества с сообщением о наводнении в Барнауле, случившемся в мае 1793 г. Был введен в состав редакционного совета по отбору материалов для первого номера «Алтайского сборника».

В 1895 г. начальником округа В. К. Болдыревым он был приглашен для приведения в порядок архива, а через год назначен архивариусом округа, стал, можно сказать, «хозяином» богатейшего собрания документов по истории Алтая, доступ к которым для исследователей был в то время закрыт. Это определило всю его дальнейшую судьбу. Он оказался не из той, впрочем, тоже вполне уважаемой категории архивистов, которые без труда найдут вам любое «дело», но что в том «деле», их нимало не интересует. Николая Степановича интересовало!

В одном из отчетов Общества говорится, что он в течение нескольких лет безвозмездно извлекал из архивных документов исторические сведения о переселенческом движении. Лишь в 1900 г. Советом Общества ему было ассигновано 25 руб. исключительно на переписку. Найденные им сведения имели «исключительную ценность как совершенно неизвестные в литературе по этому вопросу».

О том же позднее говорилось в некрологе: «Разбирая дела, Н. С. Гуляев «извлекал из них огромный и богатый материал в виде выдержек по горному делу, инородческому вопросу и общей истории Алтайского края».

С сообщениями о своих находках Н. С. Гуляев неоднократно выступал на собраниях членов Общества. Вот лишь некоторые из этих выступлений:

«К истории колонизации Сибири в начале XVIII века» (1898);

«Об условиях первоначального заселения Сибири» (1900);

«Исторические данные по исследованию Телецкого озера» (1901).

Увлечен он и археологией. 25 марта 1900 г. на собрании членов Общества выступил с сообщением «О курганах в Алтайском округе и городище, открытом вблизи деревни Большереченской». Ранее не раз побывал на этом городище, нашел там несколько предметов

эпохи переходного периода от бронзового к раннему железному веку: два бронзовых ножа, шесть костяных наконечников стрел, железный топор. Находки передал в музей.

В 1902 г. Н. С. Гуляев совместно с П. А. Ивачевым написал книгу «Колыванская шлифовальная фабрика». Она издана в Барнауле. В 1917 г. по заказу Алтайской горной думы написал совместно с П. Е. Семьяновым статью «Алтайские инородцы». Дума была образована в июле 1917 г. на прошедшем в Бийске съезде представителей инородческих волостей Горного Алтая. Председателем ее был избран художник Г. И. Гуркин.

В 1902 г. Общество любителей исследования Алтая было преобразовано в Алтайский подотдел Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества. Подотделу стали ежегодно выделять 500 руб. субсидии (сумма по тем временам немалая). Это позволило подотделу в том же году организовать две научных экспедиции: в Горный Алтай (В. И. Верещагин) и в верховья Чарыша (орнитолог П. М. Залесский).

После того как заводы и рудники на Алтае были закрыты и округ перестал называться горным (1896), возникла опасность, что библиотека и музей, принадлежавшие горному ведомству, останутся бесхозными. В библиотеке насчитывалось к тому времени около 28 тысяч томов на русском, немецком, английском, французском и латинском языках. Это была первая в Сибири и одна из крупнейших в России технических библиотек. Впрочем, кроме технической, там было немало художественной, педагогической и другой литературы. Упадок, а затем свертывание горнозаводского производства отразились и на судьбе библиотеки. Она перестала пополняться новыми изданиями, ослаб контроль за учетом и сохранностью книг. Не лучше обстояло дело и с музеем.

В связи с этим Совет Общества 16 октября 1897 г. возбудил ходатайство перед Кабинетом о передаче библиотеки и музея в ведение Общества. Но Кабинет согласия не дал. 28 мая 1911 г. ходатайство было повторено. Его поддержал начальник округа В. П. Михайлов. На сей раз оно было удовлетворено с условием, что библиотекой и музеем будут беспрепятственно пользоваться чины округа.

Это была радостная новость. Но встал вопрос: где их разместить?

И Совет, по поручению общего собрания, вновь обращается в Кабинет с такой просьбой: передать им здание упраздненной химической лаборатории для размещения в нем библиотеки и музея, открытых для публики.

И опять удача! 20 июля 1913 г. последовало «Высочайшее соизволение» императора Николая II на предоставление подотделу здания бывшей химической лаборатории для размещения в нем библиотеки и музея и о присвоении им такого названия:

«Музей и библиотека, учрежденные
Алтайским подотделом Западно-Сибирского
отдела Императорского Русского
Географического общества в 1913 году,
в ознаменование 300-летия
царствования Дома Романовых».

Вместе со зданием химической лаборатории подотделу был передан участок земли в 300 квадратных сажен и 5000 руб. на ремонт и реконструкцию здания.

Это был поистине царский подарок!..

Но началась война с Германией. В армию была призвана значительная часть сотрудников подотдела. За ней грянули Февральская и Октябрьская революции 1917 г., породившие братоубийственную гражданскую войну. Старый «мир насилья», как поется в песне, был разрушен «до основанья», новый мир рождался в обстановке небывалой разрухи всего и вся, невиданных лишений и героического трудового порыва людей, поверивших, под влиянием большевистской пропаганды, в близкую реальность «светлого будущего», в котором «кто был никем – тот станет всем».

Не просто, ох, не просто было выжить подотделу в те грозные годы! Главная беда заключалась в отсутствии средств на самое необходимое.

Неоднократно выручал Культпросветсоюз Алтайского края. Вступив коллективным членом в подотдел, он уплатил сразу три тысячи рублей вступительного взноса. И это был не последний его вклад (подробнее о деятельности Культпросветсоюза рассказано в главе «Есть такой музей!»).

Вернемся к прежнему разговору. Несмотря на все трудности, музей был, наконец, открыт для публики в октябре 1918 г.

С библиотекой дело оказалось сложнее. С разборкой книг, а их теперь насчитывалось до 40 тысяч томов, до восстановления

советской власти в Барнауле закончить не успели. А после ее восстановления (декабрь 1919 г.) губревком с ходу принялся национализировать все и вся. Не забыл про музей и библиотеку. Библиотеку национализировали по-варварски, иначе не скажешь. Часть книг, уже разобранных как полагается, сняли с полок, перенесли через дорогу в губархив и свалили на пол в неотопляемом помещении, другую часть перетащили в амбар музея и там тоже свалили как попало. Забегая вперед, скажу, что в амбаре книги пролежали около трех лет, за это время было похищено девять тысяч томов.

Вся кропотливая работа по разборке библиотеки пошла насмарку!..

Лишь в июле 1923 г. многострадальная библиотека (она стала называться научно-исторической) была, наконец, открыта.

Но недолг был ее век.

В марте 1926 г. по распоряжению Сибкрайисполкома 1000 (тысяча) томов была передана в Новосибирск, а в 1928 г. оставшаяся часть туда же – Обществу исследования Сибири и ее производительных сил. Но в 1931 г. это Общество было ликвидировано, а его руководители репрессированы как «враги народа».

Ныне остатки библиотеки можно увидеть в Государственной публичной научно-технической библиотеке (ГПНТБ) Сибирского отделения Академии наук Российской Федерации, Новосибирской областной библиотеке, Новосибирском государственном медицинском университете. Остались какие-то крохи и в Барнауле – краеведческом музее, краевом госархиве, краевой библиотеке им. В. Я. Шишкова.

3

Судя по документам, Николай Степанович Гуляев в последние годы жизни сильно бедствовал. Он неоднократно обращался в Главное управление округа с просьбами о пособии или ссуде. Так, в октябре 1913 г. попросил ссуду в размере 600 рублей с рассрочкою на три года на ремонт дома.

3 января 1914 г. Н. С. Гуляев обращается с новым прошением: «Ввиду болезни сына Вадима⁴, учащегося в Москве, я крайне

⁴ Гуляев Вадим Николаевич (1890–1943), живописец, график. В 1907–1911 гг. окончил Казанскую художественную школу; в 1912–1913 гг. учился в Москве, в

нуждаюсь в деньгах как на лечение, так и на возвращение его в Барнаул».

Ему было выдано 150 рублей.

В том же году он просит пособие в связи со смертью жены: «Нахожусь в крайне стесненном материальном положении...»

В июле 1915 г. Н. С. Гуляев заболевает сам. Врач А. И. Смирнов⁵ ставит ему такой диагноз: «Страдает хроническим давнишним поражением суставов и мышц ревматико-подагрического характера».

И вновь – прошение начальнику округа: «По совету врачей мне необходимо использовать курс лечения Белокурихинскими минеральными водами. Я настолько болен и слаб, что нуждаюсь в постоянном уходе, что во время поездки на минеральные ключи вызовет исключительные расходы. Не имея никаких сбережений, я не могу совершить поездку и вынужден просить Ваше Превосходительство разрешить мне соответствующее пособие и месячный отпуск».

То и другое было ему предоставлено.

В декабре 1917 г. на Алтае, как известно, была установлена советская власть. 30 мая 1918 г. постановлением губсовдепа Н. С. Гуляев был уволен с должности архивариуса, уволен, по всей вероятности, как царский чиновник. Больше он перед новой властью ничем не провинился. Но уже в мае 1918 г. в Сибири произошел контрреволюционный переворот, советская власть пала. 11 июля 1918 г. руководство Управления земледелия и государственных имуществ Республики (созданного еще Временным Правительством вместо Главного управления Алтайского округа) предложило Н. С. Гуляеву занять прежний пост, но при этом предупредило, что если он по болезни или другой причине сразу не приступит к работе, то «на должности архивариуса остаться не может».

Оскорбленный таким предупреждением, Н. С. Гуляев пишет начальнику управления Л. Л. Маслову:

«Выйти на службу в настоящее время я абсолютно не могу без

художественной студии Н. И. Машикова. После 1917 г. жил в Барнауле, активно участвовал в деятельности Алтайского художественного объединения (АХО), был в числе учредителей общества «Новая Сибирь» (Новосибирск). С 1926 г. жил и работал в Ташкенте. В 1943 г. погиб на фронте Великой Отечественной войны. Творческое наследие практически не сохранилось.

⁵ Смирнов Александр Иванович (1868–1937), известный барнаульский врач. 15 ноября 1937 г. арестован органами НКВД и 8 декабря расстрелян. Полностью реабилитирован в 1956 г.

явного ущерба для своего здоровья. Я перенес тяжелую форму инфлюэнции (гриппа – В. Г.), которая совершенно истощила меня. Я чрезвычайно слаб и лежу в постели. По отзыву врача А. И. Смирнова, я смогу выйти на служебные занятия не ранее истечения шести недель с сего дня. Неужели я, старый и честный архивариус, не имею права болеть? Ведь это право не было отнято даже при самодержавном строе. Я служу в округе около 25 лет. За все это время ни разу не пользовался продолжительным отпуском, если не считать мелких, которые брал по болезни.

Приведение в исполнение этой угрозы будет равносильно моему смертному приговору. Ведь я так же, как и прочие, хочу есть. Мой служебный заработок является моим единственным жизненным ресурсом. Дети мои помочь мне не могут. Один сын в плену у немцев (Сергей – В. Г.), а другой – на фронте (Вадим – В. Г.). Оба они в настоящее время нуждаются в моей материальной поддержке. Поэтому я еще раз прошу отнестись ко мне, к моей старости, моей болезни, к моим прежним заслугам, к моему бедственному и беспомощному положению с особенным вниманием и сочувствием.

2/15 июля 1918 г.»

Согласитесь: не прошение, а крик души!

Из медицинского свидетельства врача А. И. Смирнова от 14 июля 1918 г.:

«После перенесенной инфлюэнцы, осложнившейся расстройством желудочно-кишечного аппарата и повлекшим за собой истощение сил и общую слабость организма, к работе может приступить не ранее шести недель».

Наверное, в эту тяжелую пору, в предчувствии близкого конца, в горьких раздумьях о материальной необеспеченности детей и пришла ему в голову мысль продать недавно образованной Каракорум-Алтайской уездной земской управе свое единственное богатство, накопленное вместе с отцом за долгую жизнь – библиотеку и коллекции.

Н. С. Гуляев был в дружеских отношениях с председателем управы художником Г. И. Гуркиным, горячо приветствовал его искреннее стремление вывести свой народ из вековой темноты. Управа намеревалась открыть, помимо существующих, 13 новых школ-интернатов, три обычных школы, две гимназии (в Улале и

Онгудае), несколько вечерних школ для взрослых, а в селах – избы-читальни, библиотеки, культпросветкружки и т. д.

Еще в октябре 1917 г. Н. С. Гуляев получил приглашение возглавить намеченную к открытию «историко-справочную библиотеку», главным образом по инородческому вопросу. Он дал согласие, тем более, что основой библиотеки должно было стать их с отцом собрание книг. Пусть они послужат людям, потянувшимся к свету, знаниям. А ему и детям это поможет пережить трудные времена.

Переговоры о продаже библиотеки и коллекций начались не раньше августа 1918 г. К Гуляеву приехал заведующий отделом народного образования управы Борис Федорович Добрынин, приват-доцент⁶ Московского университета, занесенный в Горный Алтай водоворотом гражданской войны. Он осмотрел библиотеку, отобрал для себя 36 книг и тут же заплатил за них 400 руб.

Николай Степанович был уже очень плох: не вставал с постели, забывал о том, что говорил вчера, даже засыпал иногда на полуслове. Поэтому переговоры с представителями управы взялась вести его дочь Антонина Николаевна (по мужу – Ветринская). Они продолжались и после смерти Николая Степановича, наступившей 30 ноября 1918 г.

Не стану утомлять читателя их подробностями. Скажу лишь, что завершились они 3 января 1919 г. подписанием акта, согласно которому управе были проданы: библиотека – 1311 томов и коллекции (в акте названы музеем) за 25 тыс. руб. Управа была далеко не богата и выплатить эту сумму обязалась с рассрочкою в три года: 5 тыс. сразу, еще 5 тыс. – к марту 1919 г., остальные – частями по 3 тыс.: 31 декабря 1919 г., 1 июня и 31 декабря 1920 г., 1 июня и 31 декабря 1921 г.

Надеюсь, читатель, немного знакомый с событиями 1919 г. на Алтае, сам догадался, что последние 15 тыс. руб. дети Гуляева не получили: не у кого стало их получать...

В акте специально было оговорено, что библиотека и музей будут носить имена их основателей – отца и сына Гуляевых.

Не сбылись планы Григория Гуркина и Николая Гуляева. А планы, согласитесь, были прекрасные!..

⁶ В высших учебных заведениях до революции – нештатный преподаватель, равный по званию доценту. Доцент – ученое звание преподавателя высшего учебного заведения: ниже профессора, но выше ассистента.

Вот что говорится о судьбе библиотеки и «музея» Гуляевых в отчете Ойротского областного краеведческого музея за 1948 г.: «...После перевозки их из Барнаула в Улалу они лежали в ящиках неразобранными до 1920 г. в помещении музея. За это время из библиотеки было изъято 200 книг приват-доцентом Добрыниным (уж говорили бы: украдено – *В. Г.*) и 80 книг отправлено в Чемал для педагогических курсов, которые в музей больше не возвращались».

В 1920 г. музей и библиотека были перевезены в Чемал, где были развернуты только палеонтологическая и энтомологическая коллекции без библиотеки.

Весной 1921 г. по распоряжению Барнаульского (Алтайского – *В. Г.*) губоно рукописи Гуляевых в количестве шести пудов были увезены из музея в Барнаульский архив, а часть библиотеки, пригодная для школ, передана в Чемальскую школу.

Осенью того же года, по распоряжению Горно-Алтайского отдела народного образования, музей в коробах был перевезен в село Алтайское и совершенно беспризорным свален в одной из комнат Народного дома. Публика Народного дома имела бесконтрольный доступ в хранилище и брала вещи и книги.

Осенью 1923 г. музей снова был перевезен в Улалу и после кратковременного существования опять свернут, а осенью 1924 г. перевезен в помещение храма бывшего женского монастыря в восьми километрах от Уалалы (Кызыл-Озек).

В 1924 г. музей пополнился этнографическими коллекциями Чемальской школы, собранными преподавателями А. В. Анохиным и И. Я. Бобрак. В начале 1925 г. музей был закрыт и сложен в комнате сборного военного пункта для допризывников, где снова подвергался расхищению. Летом 1926 г. музей и библиотека были снова перевезены в Улалу и сложены в амбаре облоно. Осмотр их специальной комиссией установил, что от бывшего музея и библиотеки осталось не более одной трети. Подавляющее большинство вышеуказанных коллекций из оставшихся, а также отдельные экспонаты были разрушены, описи от них утеряны, вследствие чего они потеряли свою научную ценность.

Богатые библиотека и архив, также приобретенные у Н. С. Гуляева, оказались расхищенными. Остатки всего этого валялись в беспорядке, сваленные в кучу в одном из амбаров.

И только с первой половины 1927 г. Ойротскому музею было предоставлено постоянное помещение в Улале, где и были

расположены жалкие остатки некогда ценных коллекций библиотеки и архивных материалов...»

Узнай обо всем этом Степан Иванович и Николай Степанович Гуляевы, наверное, в гробу бы перевернулись!..

В октябре 1928 г. директор Горно-Алтайского музея Н. Арбузова обратилась к вернувшемуся из Тувы Г. И. Гуркину с просьбой дать опись коллекций, архива и библиотеки, приобретенных у Н. С. Гуляева, так как коллекции беспаспортны. Ответа не последовало. Вряд ли после разорения дома в Аносе, шестилетних скитаний по Монголии и Туве у Гуркина что-либо сохранилось. Нетрудно представить, что и для него все случившееся с библиотекой и коллекциями Гуляевых, было тяжким ударом...

В начале 80-х годов (теперь уже прошлого века) Ю. Л. Троицкому удалось найти лишь 48 книг в Горно-Алтайской областной (ныне республиканской) библиотеке, принадлежавших ранее Гуляевым.